

А. Томпио

*В гостях
у зяблика*

рассказ-фантазия

А. Томпио

**В гостях у зяблика.
Рассказ-фантазия**

«Издательские решения»

Томпио А.

В гостях у зяблика. Рассказ-фантазия / А. Томпио —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-852644-2

Рассказ «В гостях у зяблика» — не что иное, как фантазия потерянного горожанина, который смертельно устал от непроглядной унылой картины за воображаемым окном. Он мечтает о переменах, рассуждает о них, подводит теории, раздражается глупости масс, ждёт их прозрения. Ждёт, когда кто-то сделает всё вместо него, кто-то добьётся перемен. Конечно, он никогда не дожётся, потому что делать это нужно только самому. Этой мысли горожанин страшится. От этого страха и рождаются вот такие фантазии.

ISBN 978-5-44-852644-2

© Томпио А.
© Издательские решения

В гостях у зяблика Рассказ-фантазия

А. Томпио

© А. Томпио, 2017

ISBN 978-5-4485-2644-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Возле чёрного хода магазина «Продукты» на скамейке без спинки сидит интеллигентного вида господин. Серый плащ расстёгнут, полы серыми волнами лежат на засиженных досках. Бордовый джемпер тонкой вязки, белая рубашка выглядывает из клиновидного выреза, галстука нет, из одежды торчит складчатая тонкая шея, насильственно выбритое лицо. Голову человек обхватил ладонями, упёрся локтями в худые колени. На ноги в светло-серых брюках и пестрых шёлковых носках насажены пристойные ботинки.

Это Николай Васильевич Пилатов. Профессор академии государственной службы при ком-то там, не важно при ком, он и сам забывает при ком, фантом вместо человека, сакральный образ вместо чиновника. Он заведует кафедрой основ государственной службы. Кафедру он создавал сам, больше двадцати лет назад. Первые четыре семестра студенты слушают его авторский курс «Этика государственной службы», он считает этот предмет самым важным. «Всё остальное – часто говорит он студентам, – вы легко получите в первый же месяц стажировки, но без этики вы станете плохим, вредным элементом системы, потому что власть разрушительна для личности, а этика – защитный слой, который укрывает вас от радиации власти, это – во-первых, и направляет ваши действия в отношении других людей и общества в верном направлении, это – во-вторых. Если станете чиновниками аморальными, сделаете систему ещё вреднее, если сохраните этический стержень, внесёте свой вклад в её гуманизацию и разворот к человеку».

Домой ему идти не хочется, там горько обиженная жена, конечно не желает его видеть. Он ничего не может ей предложить, она уже ничего от него и не ждёт. Больше нет между ними былой лёгкости и радости, позабыт их общий словарь понятных только им слов и выражений. Семейная жизнь, любовью затмившая закат империи, теперь затухала и меркла сама. Видеть это увядание, осознать, как полнотелая живая семья выдохлась и истончилась, было для Пилатова мучительно. Задуманное им дело только усложняло и без того их нестройную семейную историю, так что он предпочитал пересидживать вечера вне дома, размышлять и примериваться к делу во время длительных моционов по окрестностям, домой приходил только ночевать и бриться.

Желтые фонари одновременно зажглись по всему двору и сделали его похожим на сцену мюзикла, вот-вот заиграет музыка, актёр пустится в пляс между машин и запоёт спрятанный за трансформаторной будкой хор. Спальный район затихает, теплый августовский вечер буднего дня еще пошумел немного и весь перетёк в окна спальных кварталов и зажётся там желто-белыми потолками. Всю энергию города вобрали в себя многоэтажные дома, на кухнях чуть слышно загудела другая, домашняя, интимная жизнь, уступившая ей место рабочая публичная, задремала брошенными бумагами в учреждениях, и пустота стеклянных офисов покрылась тенью. Эта метаморфоза всегда немного удивляла и восхищала профессора, люди перевоплощались два раза в день, полностью переключая своё внимание и сознание с эго на альтер-эго и обратно, меняли суждения исходя из пригодности их для текущего вида жизни. Он делал это с трудом.

Пилатов сунул в карман плаща опустевшую фляжку, потом одумался и переложил в портфель, растёр руками лицо и снова вернулся к размышлению о деле. Уже и письма были написаны, разложены в конверты с громкими точными адресатами – во все главные газеты, во все главные ведомства. Время, место, обстоятельства дела – всё сходится, не хватает только репетиции – самого трудного. Это важно, отрепетировать критический, ключевой момент, проверить свои старые рефлексy, побороть естественную преграду перед чертой, снова перейти её сейчас, чтобы не дрогнуть потом. Времени на поиски совсем нет. Неожиданно он очнулся от размышлений, понял, что смотрит, не мигая, на бело-голубой камешек, как айсберг торчащий из асфальта и вокруг этого камешка только что крутилось в причудливом танце его дело во всех деталях и образах.

Профессор поглядел на молодого человека лет тридцати, входящего в подъезд, тот учтиво поздоровался и замер. В лёгкой тряпичной куртке, в светлых брюках нормальной длины и широты, с обыкновенной причёской, безо всяких игрушечных усиков и бородок, высокий, подтянутый. Молодой человек застыл на ступеньке и без улыбки, взглядом равного смотрел на пожилого профессора. «Добрый вечер» – почти прошипел профессор, выдал из себя звуки, стараясь к концу смягчить интонацию, голос расстроился от долгого молчания. Приветливый незнакомец едва заметно кивнул, сдержанно мягко улыбнулся, отворил дверь и шагнул уже было внутрь, когда Пилатов вдруг спохватился.

– Пойдите – просипел он – пойдите, молодой человек. У меня к вам один вопрос, – наконец голос вернулся в привычный размеренный тон и тембр, – Зачем вы сделали паузу после приветствия?

– Я дал вам время поздороваться в ответ, – он закрыл дверь подъезда и повернулся к Пилатову, – Не правда ли, это странно, поздороваться и принимать ответ затылком, – голос молодого человека оказался очень объёмным, ровным, без петухов и басовитых ям.

– Это прекрасно, молодой человек. Спасибо, вы мне приподняли настроение, – Пилатов закивал и немного перетянато улыбнулся.

– Не за что. Позвольте и мне вас кое-о-чем спросить.

– Конечно, пожалуйста.

– Вы тут почти каждый вечер, всё лето. Я часто вижу вас сидящим здесь, или гуляющим в сквере, вы всегда в одиночестве, всегда в глубокой задумчивости. У меня есть подозрение, и мне бы хотелось его проверить. Ответьте, пожалуйста, вы пишете роман, обдумываете пьесу, сочиняете музыку, что-то в таком роде?

– Нет, я не писатель и не композитор. Но, скажем так, я обдумываю создание одного шедевра, не могу делать это дома из-за временных неурядиц, – профессор немного удивился бесцеремонности молодого человека.

– Извините, если мой вопрос показался нескромным, я скоро уезжаю в командировку, в Африку, последние дни дома. Всё теперь выглядит по-другому, во всём проступили интересные детали, у всего как будто возросла ценность. Так вот, я наблюдал за вами и видел какую-то большую внутреннюю работу, что-то масштабное или глубокое. Я не прошу вас об этом рассказать, просто мне кажется, что вы интересный собеседник, и с вами можно поговорить о сложных вещах. Мне хочется последние дни как можно больше говорить на родном языке. Два года рядом со мной не будет ни одной одноязычной души.

– Ну что ж, давайте поговорим, – он был рад что все складывается, само собой, – меня зовут Николай Васильевич.

– Меня зовут Юра.

– Как вы, Юра, отнесётесь к тому, чтобы разговор сочетался с напитком?

– Всецело за, если это не газировка, – приветливо заулыбался Юра.

Юра показался Пилатову человеком из прошлого, редко встретишь своего подлинного современника. Николая Васильевича иногда мутило от нынешних студентов, хотя он уважал

и ценил эту разномастную умную шпану, что училась у него на курсе. На занятиях они проявляли себя настоящими, с головой и сердцем, но их манера одеваться, вести себя и говорить между собой приводила Пилатова в кислое уныние, особенно удручали юные джентльмены. Все эти красоты в одежде, выкрутасы на голове, подстреленные штаны, обтянутые тонкие ножки, даже зимой голые бледные лодыжки, всё это он тихо презирал как очередную победу формы над содержанием. Всего этого не было в Юре, хоть он явно и не был студентом, но был очень молодой и свежий, на таких молодых людей смотришь с оптимизмом. Больше всего Пилатову приглянулся этот чуть заметный вызов с приветствием. Блестящий способ продавить свои правила, это чрезвычайно редко встречается, обыкновенно люди общаются мимоходом, по инерции, не заботясь о точности самого общения, это не то чтобы не вежливо, но обесценивает и обезличивает контакт. Юра настоял на том, как ему казалось правильно раскланяться с незнакомцем. Пилатов удивился, что они, будучи соседями никогда не встречались, а Юра напротив, удивился тому, что они уже встречались несколько раз, даже обменивались репликами, а Николай Васильевич, по всей видимости, этого не помнил.

Стечением обстоятельств можно объяснить многое, но такое объяснение Пилатова не устраивало, даже раздражало. «У всего есть причина» – часто говорил он себе, когда в своих умозрительных блужданиях оказывался в очередном логическом тупике. Никакой причины он не искал, и в этот раз просто принял, что случайное решение срезать через кладбище привело его в итоге на это же самое кладбище спустя несколько месяцев совсем уже в другом качестве.

В молодости и в годы ранней зрелости, когда служба требовала от него всего напряжения воли, полной концентрации интеллекта и полного пренебрежения к человеческому в себе, прогулки по кладбищенским аллеям успокаивали и смиряли его. Глядя в лица неживых на памятниках, он представлял себе их жизни. Вот это приятная пара, рано умерли, в один день, вот это была старая гримза, которая поедом ела и мужа, и детей, и соседей по коммуналке. Вот алкоголик, вот академик, вот обыкновенный веселый дядька, герой войны, вот спортсмен, вот пухлая завмаг, вон там дети. Новые знакомые быстро рассказывали ему свою историю, проводили его взглядом и затихали вдали как мираж, тонули в тени деревьев, царящих среди могил. Деревья на кладбище, настоящие хозяева жизни, шумят кронами, крепко держатся корнями умерших. Людские суеверия его сперва смешили, а потом расстраивали и сердили, страшные рассказы о покойниках и тому подобная дремучесть, мракобесие и глупость всегда угнетали его и как будто откусывали кусок от смысла его жизни, который он видел в улучшении мира, в просвещении, в победе разума над страхом, и всеобщее помешательство на бессмысленных ритуалах раздражало его до крайности. Он был очень далёк от человека. Служба позволяла, до поры. Рассматривая могильные портреты героев, ученых, знаменитостей и простых горожан, пока все эти проживатели выдуманых судеб сухими трупами лежали в гробах, он напоминал себе о бренности бытия, об эфемерности всего того, что кажется ему важным и существенным на выбранном пути. Подбирая полы нового гедеэровского серого плаща, он перешагивал через канавы, гулял между памятниками, и раздумывал о подлинном значении своей службы, которое скрывалось за предписаниями и секретными заданиями. Размышления приводили его в разные точки, и всякий раз он проверял свой вывод на особенной шкале, благородна ли цель? Отвечает ли самым высоким принципам, благо ли она несёт человеку? Если ответ был отрицательный, он начинал с начала.

– Возьмите коньяк? – предложил профессор и показал на продуктовый, недавно сменивший аптеку на радость всех пьющих соседей, которые и составили костяк постоянных покупателей, – люд попроще берёт пиво или водку в стаканах с крышкой, а местная алкогольная богема, как мы с вами – коньяк, тут меня не обманут, продадут хороший.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.